

«Вы всегда шли от жизни к Богу»: из черновых записей Владимира Гиппиуса

Ю.А. Рыкунина

Аннотация: Творческое и эпистолярное наследие поэта Владимира Васильевича Гиппиуса (1876–1941) представляют собой важное поле для исследования. Публикуемый нами небольшой черновой отрывок находится на грани между эпистолярием и эссеистическим фрагментом. Этот небольшой прозаический кусок, как кажется, помогает глубже понять как собственные взгляды Гиппиуса рубежа веков, так и его отношения к своим литературным крестным — Мережковским.

Ключевые слова: Владимир Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, черновики писателей, русская литература рубежа XIX–XX вв.

Информация об авторе: Юлия Абдуллаевна Рыкунина, к.ф.н., независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: rykuninay@mail.ru

Значительная часть наследия Владимира Гиппиуса до сих пор остается неопубликованной, а его книги и статьи ждут переиздания и полноценного научного освоения.

Декадент, сперва постоянно борющийся со своим декадентством, а потом возведший его в критерий подлинности всякого писательства, Гиппиус представляет интерес еще и с точки зрения символистского жизнетворчества, в рамках которого любой шаг, любой акт получает концептуальное значение. Приведем хотя бы такой пример: в середине 1890-х Гиппиус меняет почерк, что для него знаменовало борьбу с внешней красотой и эстетством. 6 июля 1895 г. он писал своему другу, философу и музыкальному критику Я.И. Эрлиху: «Переменяю (почему-то) почерк! Не удивляйтесь: этот — отвлеченнее и некрасивее: у меня в последнее время тончайшее отвращение к внешней красоте)»¹.

Чрезвычайно строгий к себе, Гиппиус оставил большое количество черновых текстов (среди которых и стихи, и литературно-критические статьи), так и не дошедших до читателя. Что-то он, возможно, писал для себя, что-то адресовал людям из своего ближнего круга. Один из его излюбленных жанров в 1890-х —

¹ ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 207. Л. 11 об.

начале 1900-х гг. — краткий набросок философского содержания²; часть из них вошла в книгу «Песни» (1897). Обрывочность и краткость не всегда позволяют назвать эти отрывки «эссе»; вполне возможно, что емкий жанр фрагмента был «подсказан» Гиппиусу афоризмами Ф. Ницше.

Среди множества таких записей, сохранившихся в архиве Гиппиуса в Пушкинском Доме, есть небольшой (на одну страницу) текст, перечеркнутый крест-накрест, датированный 3 мая 1900 г., снабженный пометой: «М—им». За этими буквами без труда угадывается адресат, очевидно, так и не посланного фрагмента — Мережковские. В. Гиппиус был троюродным братом З.Н. Гиппиус; знакомы они были с середины 1890-х. Их сложные отношения, оборвавшиеся, по всей видимости, незадолго до революции 1917 года, могут быть охарактеризованы как неудавшийся союз, отсутствие сближения при явном взаимном интересе и согласии в некоторых ключевых вопросах (так, и З.Н. Гиппиус, и В. Гиппиус отрицательно отнеслись к литературной богеме 1910-х). Под влиянием З.Н. Гиппиус Владимир Гиппиус уже в конце века преодолевал декадентство, результатом чего в 1896 г. стал отказ участвовать в так и не состоявшемся сборнике «Горные вершины». В письме «любезной тетушке», как он в шутку называет Зинаиду Николаевну, Гиппиус формулирует свое кредо: «Надо быть одиноким и разгадывать какую-то большую Тайну»³. Многие письма Гиппиуса этой поры насыщены философскими размышлениями. Его «философский» круг чтения начинает формироваться в середине 1890-х: Ницше («первый из современных мудрецов»⁴), Б. Спиноза (в 1895 г. он писал Эрлиху, что читает «немножечко Спинозы»⁵), А. Шопенгауэр. При этом Ницше, прежде всего как автор «Заратустры», повлиял и на стиль Гиппиуса⁶, особенно если говорить о его многочисленных «философских» набросках.

Зачастую эти фрагменты — нечто среднее между эпистолярием и лирико-философской прозой. «Эпистолярный» момент здесь важен. Несмотря на стремление «в одиночку разгадывать Тайну»,

² Еще в середине 1890-х Гиппиус колебался в выборе пути. Эрлиху он писал так: «Я намеревался заняться критикой, вышло же, что занимаюсь поэзией и отчасти философией.» (ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 207. Л. 8).

³ Цит. по: *Иванова Е.* Александр Добролюбов — загадка своего времени // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 219.

⁴ Письмо Я.И. Эрлиху от 27 июня 1895 г. // ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 207. Л. 8.

⁵ Там же.

⁶ О чем Гиппиус писал сам: «"Заратустра" впервые определил и мой литературный вкус: стиль напряженный, насыщенный, нежный и суровый одновременно, преимущественно певучий» (*Гиппиус Вл.* О самом себе / Публ. Евг. Биневица // Петрополь-96. Литературная панорама 1993–1996. СПб., 1996. С. 125.

Гиппиусу, по крайней мере на раннем этапе, по-видимому, был остро нужен собеседник, настроенный на тот же философский лад, — а дистанцироваться он хотел только от литературных кружков. О потребности в таком собеседнике свидетельствуют его письма к неизвестной корреспондентке М. М–ль⁷, письма к Эрлиху, а также к ближайшему другу А. Добролюбову. В этом смысле, конечно, письма молодого Гиппиуса «предвосхищают» известные нам эпистолярные младших символистов. В отличие от писем, у черновых набросков не всегда имелся определенный адресат. Некоторые из них могли быть переписаны и посланы: так, например, среди разных фрагментарных записей нами был найден черновик одного из отрывков, посланных в начале июня 1898 г.⁸ Добролюбову как автору книги со Спинозианским названием «*Natura Naturans. Natura Naturata*» могли быть близки пантеистические рассуждения, изложенные в этом фрагменте.

Очевидно, пантеистические воззрения, проявившиеся и в публикуемом ниже фрагменте, были усвоены Гиппиусом как непосредственно из сочинений Спинозы, так и из поэзии йенских романтиков и, конечно, Тютчева и Фета, которых он, как и другие символисты, считал предшественниками новых поэтов⁹. И пантеизм, и Спиноза занимали важное место в философских настроениях 1890-х, что уже отмечали исследователи¹⁰. В письме Добролюбову Гиппиус формулировал свои взгляды следующим образом: «Я никогда не пойму, что есть Бог и как есть он, если он не в мире и не все, что есть в мире, потому что всегда думал так: если бы было в мире что-нибудь, хоть малая часть не божья, она могла бы восстать на Бога и поспорить с Ним и вырасти больше. И тогда Он не был бы всем и всемогущим»¹¹.

При этом в автобиографической заметке, написанной в середине 1910-х, имя Спинозы не упоминается среди учителей, повлиявших на молодого поэта; важными для него остаются только

⁷ См.: ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 208.

⁸ Этот отрывок см.: Рыкунина Ю.А. Два письма Вл.В. Гиппиуса А.М. Добролюбову 1898 года // Русская литература. 2015. № 2. С. 191.

⁹ Об этом Гиппиус писал в неопубликованной статье «Золотой век. Из писем к иностранцу» (ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 155. Л. 13–13 об.).

¹⁰ См.: Кэльяс С. Валерий Брюсов и Спиноза // Русская филология. Тарту, 1977. Вып. V. С. 70–98. З.Г. Минц писала: «Именно пантеизм оказывался философской подоплекой знаменитой символистской «реабилитации плоти» — апологии земли, земного, материального мира» (Минц З. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Блоковский сборник III. Творчество А.А. Блока и русская культура XX века. Тарту, 1979. С. 88).

¹¹ Рыкунина Ю.А. Два письма Вл.В. Гиппиуса А.М. Добролюбову 1898 года. С. 191.

«бунтари» и «пророки» — Ницше, Ф.М. Достоевский и отчасти В.В. Розанов. «Пророческий» пафос и бунтарские нотки отличают и публикуемый фрагмент. Как представляется, он может быть воспринят как своеобразный «манифест» Гиппиуса, в сжатой и предельно эмоциональной форме выражающий его настроения рубежа веков.

Этот отрывок содержит обвинения, обращенные к неким людям, не понимающим подлинную суть религиозности, которая должна иметь вектор, обратный общепринятому, — не от жизни к Богу, а от Бога к жизни. В этом смысле не вызывает вопросов, почему отрывок адресован М[ережковск]им: ведь именно под этим знаком — реабилитации плоти — как раз и развивалась основная «тема» Мережковских на рубеже веков: на исходе 1890-х Мережковский впервые высказал идею о необходимости создания «новой церкви»¹². Гиппиус был близок к Мережковским в это время и, вероятно, испытывал влияние всех тех идей и настроений, которые нам известны по позднейшим статьям, лекциям и книгам Дмитрия Мережковского с их усиливающейся критикой официального — «монашеского» — православия. Идея необходимости оправдания плоти присутствовала у него уже в романе «Юлиан Отступник» (1895) и владела им в период написания трактата «Л. Толстой и Достоевский». Мережковского Гиппиус назовет одним из трех своих учителей наряду с Достоевским и Ницше¹³. Можно предположить, однако, что к идее божественной плоти, «жизни-Бога» Гиппиус приходит своими путями: через чтение тех же йенских романтиков и Спинозы. Заметим, что в его текстах этого периода почти нет упоминания Христа, христианства и церкви — и в этом основное отличие его писаний от построений Мережковских.

Религиозность, представленная в этом фрагменте, отсылает к Ницше с его утверждением витальности, а упоминание богатырей может быть соотнесено не только с фольклором, но и с религией сверхчеловека; все это сочетается с ключевыми и для нового христианского сознания идеями воплощения и оправдания плоти (как пишет Гиппиус, «чтобы жизнью стал Бог»). Таким образом, адресация «М–им» — это своего рода апелляция к единомышленникам, в некотором смысле желание получить от них поддержку.

¹² Гиппиус писала об этом так: «В октябре тысяча восемьсот девяносто девятого года, в селе Орлине, когда я была занята писанием разговора о Евангелии, а именно о плоти и крови в этой книге, ко мне пришел неожиданно Дмитрий Сергеевич Мережковский и сказал: „Нет, нужна новая Церковь“. Мы после того долго об этом говорили, и выяснилось для нас следующее: Церковь нужна как лик религии евангельской, христианской, религии Плоты и Крови» (*Гиппиус З.Н. Дневники. М., 1999. Т. 1. С. 89*).

¹³ *Гиппиус Вл. О самом себе. С. 124.*

Очевидно, Гиппиус остался недоволен той формой, в которую облеклись его мысли. А возможно, он не хотел открыто признавать идейную близость со своими уже знаменитыми литературными крестными (как он позже назовет Мережковских).

В начале 1900-х Гиппиус отходит от Мережковских; он не принимал участия ни в журнале «Новый Путь», ни в Религиозно-философских собраниях. Этот временный отход, тем не менее, был связан не с идейными разногласиями, а с желанием Гиппиуса порвать с литературой как таковой — история уходов Гиппиуса от литературы и от Мережковских может стать темой самостоятельного исследования.

Текст печатается по черновой рукописи (ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 184. Л. 1) с незначительными пунктуационными исправлениями.

М[ережковск]им

Вы всегда шли от жизни к Богу, или от жизни к жизни, но пора выйти от Бога к жизни и жизнью убить память низкой смерти. Люди, послушайте мою простую правду, люди, так жить нельзя!

Может быть, во мне кончается путь ваш (вы, люди, — путь, я конец пути), и не знаю, устали ли вы на пути, но я не могу, я устал смертельно, я не могу дольше жить так, как жили вы.

Не нужно смертельной усталости: сила нужна, богатырь, которые взяли бы все безумие, бессмыслие, скуку и понесли бы от Бога к жизни, чтобы Бог воплотился бы в жизни, чтобы жизнью стал Бог.

Еще слишком далеко до радостных песен¹⁴, мы не созрели и до унылых молитв: мы пьем безумие жизни, мы пьем безумство смерти, и не знаем что делать, как быть... Без веры, бесславно живем, в сумерках смертных проходим томительно к смерти, живем и умираем рождаем, чтобы умерло в свой черед...

3 мая 1900 г.

¹⁴ Первая книга Гиппиуса, включавшая стихи и прозу, называлась «Песни». Открывал ее цикл «Песни о Леле», далее в книге встречаются «песни о земле» (цикл «Могилы. Из песен о земле») и еще несколько упоминаний *песен* («стихие песни», «песня унывная», «песни затишья»). Вообще же мотив пения и песня как жанровое определение встречаются у поэтов-символистов постоянно — ср. хотя бы «программное» стихотворение З.Н. Гиппиус «Песня». Укажем на символически важное соединение церковного пения и гимна богу Пану в финале романа Мережковского «Смерть богов. Юлиан Отступник». Ср. также в «Так говорил Заратустра»: «Святой отвечал: Я слагаю песни и пою их; и когда я слагаю песни, я смеюсь, плачу и бормочу себе в бороду: так славлю я Бога» (*Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 7).

Литература

Гиппиус Вл. О самом себе / Публ. Евг. Биневича // Петрополь-96. Литературная панорама 1993–1996. СПб., 1996. С. 121–126.

Иванова Е. Александр Добролюбов — загадка своего времени // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 191–230.

Кульюс С. Валерий Брюсов и Спиноза // Русская филология. Тарту, 1977. Вып. V. С. 70–98.

Мицц З. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Блоковский сборник III. Творчество А.А. Блока и русская культура XX века. Тарту, 1979. С. 76–120.

Рыкунина Ю.А. Два письма Вл.В. Гиппиуса А.М. Добролюбову 1898 года // Русская литература. 2015. № 2. С. 187–192.

References

Gippius Vl. “O samom sebe”. [About Myself], ed., publ., afterword by Evg. Binevich. *Petropol 96. Literaturnia panorama 1993–1996* [Petropol 96. Literary Panorama 1993–1996]. St.-Petersburg, 1996, pp. 121–126. (In Russ.)

Ivanova E.A. “Aleksander Dobrolyubov — zagadka svoego vremeni” [Alexander Dobrolyubov — the Enigma of his Time]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1997, No 27, pp. 191–230. (In Russ.)

Kulius S. “Valerii Briusov i Spinoza” [Valeriy Briusov and Spinoza]. *Russkaya filologiya* [Russian Philology], issue V, Tartu, 1977, pp. 70–98. (In Russ.)

Mints Z. “O nekotorykh ‘neomifologicheskikh’ tekstakh v tvorchestve russkikh simbolistov” [On Some “Neomyfological” Texts in the Works of Russian Symbolists]. *Blokovskiy sbornik III: Tvorchestvo A.A. Bloka I russkaya kultura XX veka*. [The Works of A.A. Blok and Russian Culture of XX Century], Tartu: Tartu University press, 1979, pp. 76–120. (In Russ.)

Rykunina Yu. “Dva pisma Vl.V. Gippiusa A. M. Dobrolyubovu 1898 goda” [Two Letters of Vl.V. Gippius to A.M. Dobrolyubov]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2015, No 2, pp. 187–192. (In Russ.)

“You Have Always Been Moving from Life to God”: from Vladimir Gippius’ Draft Manuscripts

Yu.A. Rykunina

Abstract: Literary heritage and letters of the poet Vladimir Gippius (1876–1941) provide a vast field for research. The draft published herewith is in between epistolary and essay. The small prosaic piece helps to deeper understand Gippius’ philosophical views at the beginning of the XXth century as well as his attitude to his literary godparents, the Merezhkovskies.

Keywords: Vladimir Gippius, Dmitry Merezhkovsky, Russian writers’ draft manuscripts, Russian literature at the turn of the XIX–XXth centuries.

Information about the author: Iulia A. Rykunina, PhD, freelance researcher, Moscow, Russia. E-mail: rykuninay@mail.ru